

Գր. Կաпанյան
Действит. чл. АН Арм. ССР

Классический труд марксистского языкознания*

Исполнился год как на страницах газеты «Правда» была напечатана статья товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании», за которой последовали еще четыре статьи. Впоследствии все эти работы были объединены в один цельный труд, изданный под заглавием «Марксизм и вопросы языкознания».

Трудно переоценить значение этой классической работы. Великий корифей науки товарищ Сталин в этом труде с особой остротой, четкостью и силой подверг марксистскому анализу как общие, так и частные и специальные языковедческие проблемы. Товарищ Сталин подверг кардинальной, резкой критике многие установки, считавшиеся теми или иными лингвистами незыблемыми, как, например, вопрос о надстроечном характере языка, его классовости, стадийности его развития и т. п. Особенно это относится к так называемому «новому учению» акад. Н. Марра. Труд товарища Сталина является языковедческим манифестом, значение которого выступает далеко за пределы языковедения. Этот труд раскрыл перед всей советской наукой новые перспективы развития.

Чтобы понять значение выступления товарища Сталина, вспомним вкратце условия, которые послужили поводом для вмешательства нашего великого учителя и вождя.

У нас уже давно, а особенно с 1924 г., начало выделяться и постепенно оформляться лингвистическое учение акад. Н. Марра сперва под названием «Яфетическое языкознание» или «Яфетитология», а потом под названием «Нового учения о языке». Вслед за тем его учение о конкретных кавказских языках или, по терминологии Марра, «яфетических» языках постепенно переросло в общеконцептуальное учение о языке, которое усиленно выдавалось Марром и его учениками за марксистское языкознание, хотя оно в действительности было далеко от марксизма, искажало и вульгаризировало марксистское учение о языке.

В учении Марра казалась привлекательной та его часть, которая была направлена против положений и законов так называемого индоевропейского языковедения, схематически применявшего сравнительно-исторический метод, признававшего существование праязыка и объяснявшего все языковые явления миграцией арийских, «расово-господствовавших» племен и т. п. Но Марру не удалось теоретически преодолеть буржуазное языкознание и создать новое, марксистское учение о языке. Он не мог

* Доклад, прочитанный на общем собрании Академии Наук Арм. ССР 20 июня 1951 г.

осуществить эту задачу, т. к. не владел марксистско-ленинской методологией и не мог творчески применить ее к вопросам языкознания. По определению товарища Сталина, он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».¹

Следует отметить также, что критические усилия Н. Марра не могли увенчаться успехом и привести к созданию конструктивной концепции, к созданию диалектико-материалистического учения о языке еще потому, что Н. Марр не имел начального фундаментального образования в общем языковедении.²

У Марра отсутствовал подлинный историзм. Он шел по линии голого, схематического отрицания работ своих предшественников. Не умея критически преодолевать их неверные, устаревшие концепции, он противопоставлял этим концепциям свои собственные, зачастую более слабые и порочные, чем критикуемые им же учения. В этой связи товарищ Сталин указывает:

«Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов».³

В сьем нигилистическом порыве Марр дошел до полного отрицания неоспоримо установленных в лингвистике положений, до полного третиrowания закономерностей в фонетике. Этот нигилизм и антиисторизм, естественно, ничего общего не могли иметь с марксистской теорией и методологией, как ни старались доказать обратное сам Н. Марр и его последователи, особенно акад. И. Мещанинов, ставший после смерти своего учителя первым глашатаем и провозвестником марровского «нового учения» о языке.

Подавление всякой научной критики и самокритики, высокомерие, зазнайство, полный нигилизм Марра в оценке трудов всех отечественных и мировых лингвистов, провозглашение собственных домыслов «абсолютными истинами» и защита этих «истин» аракчеевскими средствами не

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 28.

² А. Фрейман справедливо отмечает, что «общее, теоретическое языкознание не было предметом, изучение которого было обязательным для студентов факультета, где учился Н. Марр..., а по свойствам своего характера... он не считал целесообразным слушать соответственные курсы на соседнем филологическом факультете» (см. «Известия» АН СССР, отд. лит. и языка, т. X, выпуск 1, 1951 стр. 55).

³ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

могли не создать застоя в языкознании. Как говорит товарищ Сталин, «...в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не оvoidственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра».¹

Товарищ Сталин, как известно, этот режим назвал аракчеевским, а само учение Н. Марра охарактеризовал, как идеалистическое, уже потому, что оно отрывает мышление от языка.

К разрешению лингвистических проблем и вопросов товарищ Сталин подошел с позиции творческо-революционной марксистской методологии. Он выступает против догматического подхода к разрешению того или иного вопроса. Это красной нитью проходит в работе «Марксизм и вопросы языкознания». Вспомним слова товарища Сталина в ответе А. Холопозу по поводу «противоречивых» якобы двух утверждений Иосифа Виссарионовича о скрещении языков: в одном случае, когда речь идет о том, что в будущем всемирном коммунистическом обществе может быть слияние зональных языков в один язык, который не будет похож ни на один из бывших, и в другом случае, когда товарищ Сталин говорит, что при скрещении языков обычно побеждает сильный язык и, следовательно, не получается третьего нового языка. Товарищ Сталин говорит: «Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания... Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма».²

С позиций творческого марксизма товарищ Сталин подошел к решению таких существенных вопросов, как вопросы о том, является ли язык надстройкой, можно ли говорить о его классовости, применим ли к истории развития языка закон перехода от старого качества к новому путем взрыва и т. д.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

² Там же, стр. 47—48.

Товарищ Сталин показал всю глубину заблуждения тех, кто смешивал язык с культурой, кто относил язык к надстройке, провозглашал его классовой категорией.

Со всей исчерпывающей глубиной товарищ Сталин показал, что язык является средством общения между людьми, что он обслуживает не один какой-нибудь класс, а общество в целом, что он безразлично относится к классам.

«Язык,—пишет товарищ Сталин,—для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу, как целому, в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения. Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение».¹

На примере русского языка товарищ Сталин проиллюстрировал индифферентное отношение языка к трем социально-экономическим формациям: феодальной, капиталистической и социалистической. Тем самым он опроверг антимарксистскую концепцию марристов о классовости языка, о его надстроечности, ибо в отличие от языка, надстроечные явления не могут иметь одинакового отношения к различным базисам, не могут быть нейтральными к различным классам. Работы товарища Сталина показали всю недопустимость смешивания языка с классовыми жаргонами.

С тех же позиций творческого марксизма товарищ Сталин подошел к вопросу о специфических особенностях развития языка и показал всю научную несостоятельность учения Марра и его последователей о взрывах в языковых процессах.

Известно, что в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции Н. Марр ставил вопрос о коренной ломке грамматики, письма, всего строя языка. Он писал: «Произошла революция. С нею в плановой для нас перспективе—неизбежный коренной сдвиг и в основном орудии общения, т. е. языке—письме... На такой ступени нового стадийного развития, в момент революционного творчества, смешно даже говорить о реформе русского письма или грамматики... То, что нужно, это не форма, не реформа или новая декорация старого содержания, а свежий сруб с новой всесоюзной, мировой функцией из нового речевого материала; речевая революция, часть культурной революции, одна из существеннейших ее частей, она же—наиболее показательное свидетельство творящих новый мир масс».²

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

² Н. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 373, 375—376, Соцэкгиз, 1936.

Как видим, под крикливыми «революционными» фразами Марр пропагандировал идею уничтожения существующего языка и замены его новым. Осуществление этого реакционно-утопического требования могло бы привести к полной анархии в общественной жизни.

Опровергая утверждения Марра, согласно которым с гибелью того или иного базиса якобы погибает существующий язык, товарищ Сталин учит, что язык является продуктом длинного ряда эпох и живет несравненно дольше любого базиса и соответствующей ему надстройки. Разоблачая вредные домыслы Марра о необходимости взрыва в развитии языка, товарищ Сталин говорит: «...для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме дон-кихотов, могут ставить себе такую задачу?»¹

Товарищ Сталин показал всю ошибочность понимания Марром вопроса о скрещивании языков. Н. Марр глубоко заблуждался, когда игнорировал возможность полного поглощения языка подчиненного слабого народа более развитым языком господствующего многочисленного племени или народа. Ошибался он и тогда, когда рассматривал скрещивание языков как равноколичественное слияние фактов двух языков (он трактовал в одно время генетическое содержание армянского языка, как равномерное ариояфетическое языковое состояние). Вообще же, он сильно переоценивал фактор скрещивания при разрешении генетических проблем в глоттогонии и развитии языков. К разрешению этих задач с подлинно марксистских позиций подошел товарищ Сталин, подвергнув критике вышеприведенные марровские положения.

«Совершенно неправильно было бы думать,—указывает товарищ Сталин,— что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скре-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7—8.

щивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает».¹

Неоценимое значение имеют для нас не только те мысли товарища Сталина, которые направлены против марровских вымыслов о взрывах в истории развития языка, грамматики, слов и т. п. Работы товарища Сталина помогают нам правильно оценить доставшееся нам лингвистическое наследство, раскрыть, в частности, огромное значение трудов русских языковедов. Опираясь на работы товарища Сталина, мы имеем широкие возможности углубить наши исследования для раскрытия специфики языка, его внутренних закономерностей, его морфологии и синтаксиса, в противовес марровскому голому «этимологизированию» слов по четырем элементам с непомерным выпячиванием только семасиологии и лексики, значение которых как важных разделов языкознания, конечно, не отрицается товарищем Сталиным.

Руководствуясь указанием товарища Сталина об относительном положительном значении сравнительно-исторического метода в деле изучения и выявления родства языков и, в частности, славянских языков, наши лингвисты не должны забывать важной оговорки нашего учителя, что сравнительно-исторический метод имеет также свои серьезные недостатки. Преодоление этих недостатков сравнительно-исторического метода является важной проблемой, которая стоит перед советским языкознанием.

Мы должны в свете трудов товарища Сталина обстоятельно, во всех деталях раскрыть ошибочные установки, которые содержатся в многочисленных и пухлых лингвистических работах Марра и его учеников, в частности, его армянских учеников. Нужно до конца преодолеть тот практический вред, который нанесен марристами в вопросах языкостроительства.

Как отмечает акад. В. Виноградов, теория Марра, призывавшая к ломке и «революционной перестройке» языка, весьма отрицательно отразилась на живой практике языкового строительства. Н. Сауранбаев, действительный член Академии наук Казахской ССР, приводит следующие факты, подтверждающие вышесказанное: «В Казахстане, как и в других республиках, в которых национальные языки в основном являются младорписьменными, были случаи изгнания из литературы многих коренных слов под воздействием теории «классовости» языка. При этом многие языковеды придерживались установки о том, что язык—надстройка, а потому в соответствии с новым, социалистическим базисом надо создавать новый, социалистический язык путем взрыва».²

Мы можем отметить, что и у нас в Армении, в стране, имеющей

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

² См. у В. Виноградова, «О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания», Москва, 1951, стр. 37—38.

письменность с начала V века нашей эры, и с языком, имеющим свои прочно установившиеся грамматику и словарный фонд, антимарксистская лингвистическая теория Марра привела к аналогичным вредным последствиям в языкостроительстве.

Учение товарища Сталина о языке, его критика ложной теории Марра вооружает нас для преодоления новых уверток талмудистов и начетчиков, которые пытаются различными словесными ухищрениями отстоять обломки «нового учения» Марра.

После издания гениального труда товарища Сталина по языкознанию научные учреждения, работники просвещения, учебные заведения Армении приложили много усилий в направлении перестройки научно-исследовательской тематики, а также программ и учебных планов высших и средних учебных заведений.

Состоявшееся на днях заседание ученого совета Института языка Академии наук Армянской ССР свидетельствует о том, что после выступления товарища Сталина по вопросам языкознания у нас уже делаются попытки большего уточнения отдельных конкретных вопросов развития армянского языка и глубоконаучного разрешения под светом сталинского учения о языке вопросов языковедения.

Из тупика и застоянности в языкознании, создавшихся благодаря монополии «нового учения» с его претензией на марксистское и советское, нас вывел гений товарища Сталина, так глубоко и разносторонне разрешившего многие языковедческие проблемы, ставшие уже достоянием ученых нашего Советского Союза и всего прогрессивного мира. Псевдомарксизму марровского «учения» нанесен сокрушительный удар. Товарищ Сталин писал: «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,—таков по моему пути, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание».¹

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с ее основополагающими указаниями и анализом многих лингвистических проблем дает нам, советским ученым, новую зарядку и вдохновение для работы.

Руководствуясь указанием нашего великого учителя, что наука не может развиваться без свободы критики, мы должны развернуть подлинную большевистскую научную критику и самокритику, в творческих дискуссиях разрешить сложные и запутанные вопросы науки, дерзать, смело выдвигать новые проблемы, не задерживаясь на разрешенных и мало-важных научных вопросах.

Гениальный труд товарища Сталина является для нас образцом творческой марксистской постановки и решения научных проблем. Вооруженные гениальными мыслями этого произведения, мы должны смело проникать в тайны общественных явлений, развивать дальше советское языкознание.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.
Տեղեկություն 6-2